

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

Выставка Юрия Анненкова в Музее русского импрессионизма

"В нём есть ощущение необычайной стремительности, динамичности нашей эпохи, в нём чувство времени развито до сотых секунд".

Евгений ЗАМЯТИН о Юрии АННЕНКОВЕ

ХУДОЖНИК Юрий Павлович Анненков (1889—1974) прожил долгую и богатую на события жизнь. Он умудрился сорвать все плоды, кои-ми стоишь щедро одарил нас XX век. Анненков будто бы стремился побывать в любой из предлагаемых ситуаций, окупиться в бую и — благополучно вынырнуть. Древние латиняне говорили: "Carpe diem!", то есть "Срывайте день!", "Ловите момент!". И Анненков — ловил. Интересно, что его работы видели и помнят все, но фамилию автора способен назвать не каждый.

Иллюстрации к поэме Александра Блока "Двенадцать" или, например, хрестоматийные портреты Анны Ахматовой и Максима Горького знакомы — их, несмотря на эмиграцию художника, популяризировали в советских изданиях. Декорации к спектаклю "Газ" часто преподносятся как великолепный образец русского конструктивизма. Картинки, сделанные для "Мойдодыра" — к слову, Анненков дружил с Корнеем Чуковским! — тоже знамениты. При всём том, художник широко известен во Франции и вообще на Западе, но, увы, не в современной России.

Ни для кого не секрет, что русские деятели искусств оказали громадное влияние на творческую, гуманитарно-заряженную атмосферу XX века — можно с уверенностью заявить, что это был "русский век". Эра, когда Россия экспортировала новизну и смелые линии. Правда, зачастую сами носители идей существовали в положении эмигрантов — пусть успешных и влиятельных.

В Музее русского импрессионизма открылась выставка Юрия Анненкова с броским названием "Революция за дверью". Символика ясна, как день, зато — уточнённо-многозначительна. Дверь, как пограничная полоса. Оставить Революцию, которую поначалу принял, там, позади. Оформление экспозиции выполнено в супрематической манере — шквал красного и чёрного, а центральный выставочный центр имеет форму круга, рассеянного в нескольких местах.

По цветовой теории Василия Кандинского, чёрный цвет — это "ничто без возможности", тогда как все варианты красного цвета — это мощный, пламенный зов. Это — кровь, плоть, сила и почти звериная ярость. Красное на чёрном — траур, переходящий в мучительное рождение чего-то нового. Ощущение — тревожное и не вполне уютное, что не мешает просмотру.

Зритель встраивается в жёсткий ритм и бешеную динамику эпохи. Иные дамские портреты сопровождаются... стеклянными флакончиками с ароматом духов — тех, которые предпочитали Анна Ахматова и Айседора Дункан. Музей импрессионизма полностью соответствует своему имени — impression предполагает "впечатление", а что может лучше воздействовать на подсознание, чем шлейфы парфюма?

Итак, Юрий Анненков — отпрыск дворянского рода, родственник бунтовщиков и отчётливо-яркая личность. Родился в Петропавловске, где его семья отбывала ссылку — отец героя значился народо-вольцем. Однако в 1894 году Анненковы вернулись в Петербург. Прелестный барчук Юра имел художественные склонности уже с младых лет, поэтому в 1905 году, учась в гимназии, принялся за политические карикатуры. Его исключили. Впрочем, будущий гений всё равно получил недурное образование в частном ("вольном") заведении господина Столбца, после чего двинулся на юрфак — среди нахальной демократической молодёжи была востребована профессия адвоката.

Параллельно с этим Анненков учился живописи, бегал в Париже, посещал модные и дорогостоящие мастерские. Вестимо, начал писать и мыслить по-французски: увлёкся кубизмом и футуризмом, искал

себя. Автор явно хотел быть актуальным, как Брак и Пикассо.

Наибольшее внимание привлекает плотно-безвоздушный "Июнь", созданный в кубическом стиле. Картина вызывает лёгкое удушье и странную, не летнюю печаль. Здесь тот оттенок зелёного, что сообщает усталую томность, а кусочек серенького неба лишь усиливает чувства. По Кандинскому, такая зелень начисто лишена праздничного шума и движения. А вот — портрет обнажённой негритянки, исполненный в грубо-примитивной манере. В 1910-х бытовало эстетское устремление к дикарству и неким "изначальным ритмам Вселенной", как это называл Малевич.

На контрасте — "Натюрморт с апельсинами": солнечно-маящая спелость фруктов, оранжевая прелесть на жёлтом фоне. Квинтэссенция уюта. Апельсины — круги, безо всякой прорисовки, а круг — идеальная геометрическая фигура, сосредоточенная на самой себе и при этом — отдающая энергию. Оранжевый круг — светило, дарующее бытие.

Однако точкой сборки являются графические портреты — целая галерея знаковых персон. Анненков слыл общительным, что с предельной чёткостью отражено в его творчестве и — мемуарных "Дневниках моих встреч". "Анна Ахматова, застенчивая и элегантно-небрежная красавица, со своей незатвора чёлкой, прикрывавшей лоб, и с редкостной грацией полудвижений и полужестов", — отмечал художник, уповивший сущность поэтической гранд-дамы. Трагедийная маска и бездонность глаз — пожалуй, это лучший портрет Ахматовой. "Грусть была действительно наиболее характерным выражением лица Ахматовой. Даже когда она улыбалась. И эта чарующая грусть делала её лицо особенно красивым", — Анненков был ещё и мудрым психологом.

Его портреты друзей и высокого начальства — к примеру, Льва Троцкого —лучится искренней добротой, без тени подлобострастия или желания польстить. Изображение пролетарского гуру Максима Горького — парадоксально и неожиданно. Художник разглядел в нём задумчивость и спокойствие — не случайно в этом коллажном портрете есть не только алый стяг и фигурки мятежников, но и статуя Будды.

Юрий Анненков писал: "Что бы ни говорили о врождённой простоте Горького, о его пролетарской скромности, о внешности революционного агитатора и о его марксистских убеждениях, — Горький в частной жизни был человеком, не лишённым своеобразной изысканности". Приянь к Буревестнику Революции сохранилась у художника и после отъезда из России, о чём свидетельствуют "Дневники встреч".

Юрий Анненков был вхож в кабинеты большевистской власти, о чём говорят "непарадные" портреты Каменева, Зиновьева, Енукидзе и прочих столпов да коллосов тогдашнего Совдепа. Перед нами — не жестокие властители, но обычные люди с присущими им страхами и комплексами. Тут не лозунги с плакатами, но — живые и подвижные лица.

Анненков-иллюстратор — это, прежде всего, рисунки к блоковской поэме "Двенадцать", что была для мастера "...свежей росписью только что возникшей революции". Он не кривлял извечного благоговения перед Блоком и в "Дневниках встреч" велеречиво страстен: "Почему именно Блок? Вряд ли мы смогли бы ответить удовлетворительно. Мы сблизжили Блока скорее с Сервантесом, чем с символистами. Рождение иллюзий, гибель иллюзий были для нас не символизмом, но жизнью".

Иллюстрации к "Двенадцати" — это разорванный и безумный мир, на руинах которого вот-вот проявится нечто грандиозное. Надо сказать, что рисунки Анненкова в какой-то мере талантливее стихотворной основы, хотя, об этом не принято вешать.

Ещё одна грань — театральные декорации. Большинство художников-авангардистов пробовали себя в дизайне костюмов и сценографии. Впечатляет оформление спектакля "Газ" по пьесе Георга Кайзера — одного из лучших выразителей эпохи. Анатолий Луначарский позволил себе "шпилюку" в адрес

драматурга: "Одной из самых ярких личностей всей экспрессионистской школы является даровитый драматург Георг Кайзер, далеко не самый оригинальный, но тот, кто эту экспрессионистскую оригинальность сумел выразить достаточно общедоступно".

У нас вещицы Кайзера охотно читали в 1920-х, соглашаясь с его антибуржуазностью. Луначарский же именвал его "мастером выдумки" и любителем "кувыркающихся фабул". Действие "Газа" раскручивается из-за аварии на заводе, повлёкшей за собой гибель трудящихся, но соль произведения — ужас человека перед коварной "машинной". Технократия, вылившаяся в техноманию, сама себя изничтожает. На выставочном стенде — рисунки декораций к "Газу" и другой пьесе со сходными мотивами — к "Бунту машин" Алексея Толстого. Супрематические и конструктивистские силуэты, жёсткость форм и коллажная плакатность — Анненков довольно умело komponует разрозненные детали в единую картину.

Анненкову доверяют — это и послужило его... невозвращению из Венеции, куда он был послан для участия в Международной художественной выставке. Исследователи думают, что причин было много — целый букет. Смерть Ленина, которого Анненков тоже портретировал, смена политического климата, осознание, что свобода творчества при Советах — это миф, как и на Западе. Или художник поддался на уговоры своей красавицы-жены — балерины Елены Гальпериной? Во всяком случае, Юрий Анненков остался в Европе и, обладая недожинным талантом, не упал на дно.

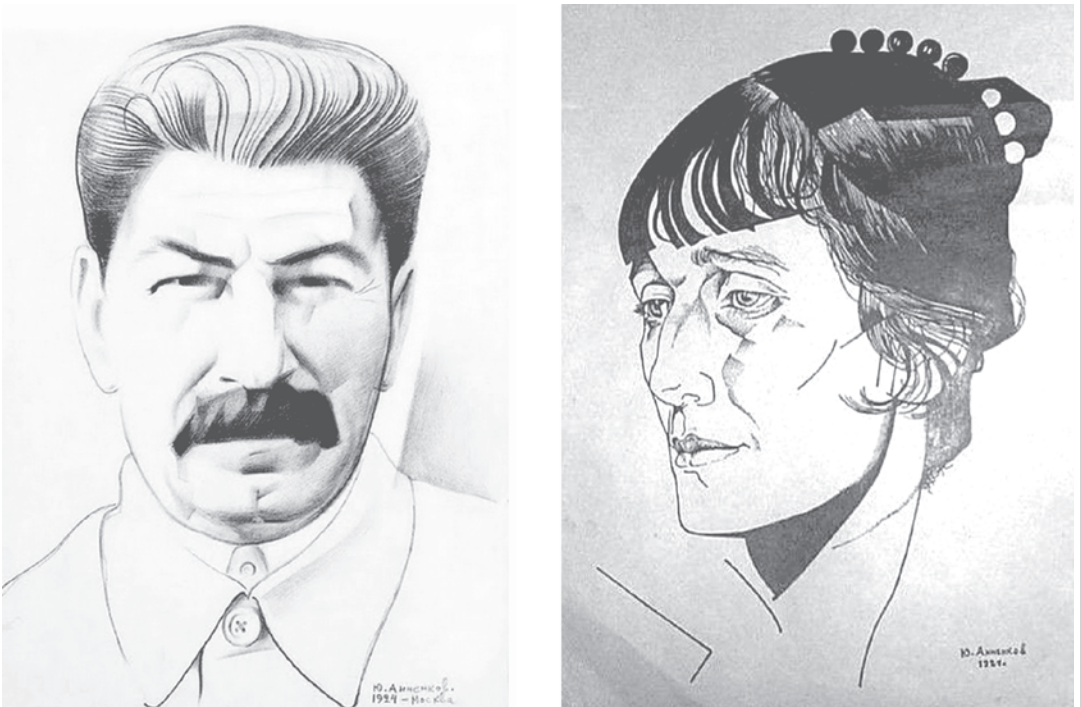
Сильный портрет, созданный уже в эмигрантской среде, — на нём изображена художавшая красавица с характерной для "ревущих двадцатых" короткой стрижкой. Бледным фоном сереет Эйфелева башня. Судьба Марианны Эриксоны фон Пистолькорс-Зарнекау достойна любовно-авантурного романа. Падчерица одного из великих князей, светская львица дореволюционного Петербурга, она вела шикарную жизнь, вращаясь в декадентских кругах и позируя для respectable журнала "Столица и усадьба", выходила замуж и — разводилась...

Во время Первой мировой войны Марианна была сестрой милосердия, как и царские дочери. Поговаривали, что она — соучастница убийства Распутина. После Революции мадам осталась в России, с любопытством наблюдая, как полыхает "старорежимная рухлядь". Себя к таковой она не причисляла, став приятельницей Максима Горького и его гражданской жены Марии Андреевой. Махнув рукой на утрату пышных титулов и дохода, Марианна фон Пистолькорс поступила на театральную сцену под псевдонимом "Павлова".

Она и не думала о Париже! Всё решил случай — новоявленная артистка подписала контракт с рижским театром, а через пару лет власти РСФСР не дали ей въездную визу. Потом были города, разъезды и сценические подмошники — в том числе нью-йоркский Бродвей. Что же, Марианна фон Пистолькорс неслась подобно вихрю, сметая обстоятельства. Она жила, меняя города, мужей, сферы деятельности — вечно спешащая, Марианна даже на портрете Анненкова смотрится беспокойной. Вот-вот она упорхнёт, дыша духами и туманами".

Сам Анненков был не менее светлив и динамичен — в 1930-х годах он увлёкся "магией кино", а уже после Второй мировой войны целых десять лет занимал престижную должность главы Синдиката техников французской кинематографии. Не бросал он и живопись, а в конце 1960-х иллюстрировал сочинения Булгакова и Солженицына, выходившие в русскоязычном издании YMCA-Press, — именно эти книги нелегально ввозили советские заграникомандировочные. Так Юрий Анненков сохранял тонкую связующую нить с Россией. Надо ли его осуждать за невозвращение? Вопрос тягостный. Важно другое — он оставался посланцем Русского Мира и пропагандистом русского искусства. А ещё — у него всегда оставалось изумительное чувство времени.

Галина ИВАНКИНА

Портрет Сталина (1921)

Портрет Ахматовой (1921)

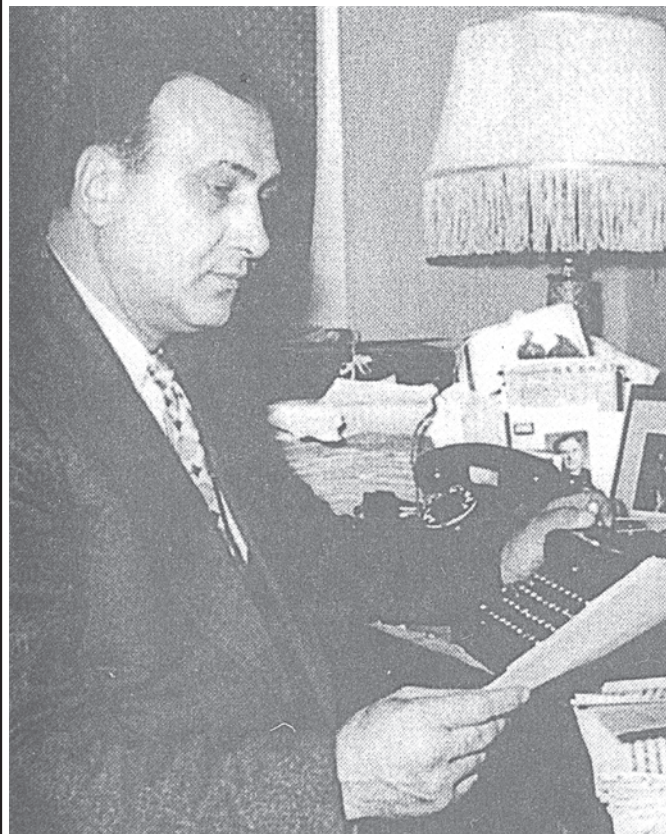

Иллюстрация к поэме Блока «Двенадцать» (1918)

Портрет Пастернака (1921)

Портрет Троцкого (1923)

Писатель Аркадий Первенцев за рабочим столом (1955)

В преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне средства массовой информации призывают увековечить память наших героев, что называется, всем миром. Просят присылать письма военных лет, дневники, делиться воспоминаниями. Но многие, как родные и близкие Аркадия Первенцева, ещё задолго до призывов государства, по своей инициативе, стали собирать эти бесценные материалы, на свои средства издавать их.

ИСТОРИЮ ХОРОШО ПОРОЙ учить не по учебникам, а по дневникам людей. Загораживающе увлекательное чтение! Через судьбу одного человека ты видишь жизнь страны в деталях и обобщениях. Человек фиксирует и важное, и обыденное для него и для страны. И ты проживаешь вместе с ним эти дни, годы. Он позволяет тебе почувствовать их — с запахами, звуками, эмоциями. Удивительное восприятие: для него те события — его настоящее. То, что происходит с ним и при нём, его переживания. А для тебя это — история, и в тебе буквально носятся разные чувства: зависть — человек был свидетелем или участником таких великих, судьбоносных событий. И отчасти тревога, поскольку иные события оборачивались трагедией.

Жизнь известного советского писателя, драматурга, публициста Аркадия Алексеевича Первенцева, как у многих представителей его поколения, была столь интересной, насыщенной деяниями столь разнообразными, что их хватило бы на многие судьбы. А потому двухтомник его дневников представляет огромный интерес не только для читателя, но и для историка: записи фиксируют какие-то детали, которые ушли от внимания хроникёров, к тому же, подаются под таким углом зрения, который официальная хроника, история может или не дать, или "сбить причёт": то ли нечаянно, то ли очень даже чаянно.

Дневники подготовил к изданию сын писателя, Владимир Аркадьевич, который признаётся: "Приступая к публикации "Дневников" своего отца, русского советского писателя Аркадия Алексеевича Первенцева, я руководствовался только одним желанием — донести до новых поколений "правдивую сказанную" человека, по воле судьбы оказавшегося в период рождения, расцвета и начавшегося ещё при его жизни предельного уничтожения Советской России под ударами анти-

ЖИЗНЬ ОДНОГО ИЗ НАС

Дневники советского писателя

советизма, подпольных вражьих сил, которые всегда, начиная с 1917 года, шли рядом, то таясь, то вылезая на поверхность общественной жизни страны. К этому ещё добавились трагические просчёты в идеологии и экономике. Так погиб дерзновенный эксперимент построения коммунизма в России, захвативший под свой разбег другие страны и народы".

О ведении дневников Аркадий Алексеевич не говорил даже родным. Сын обнаружил их, разбирая после смерти отца его архив: "Читая дневники, я был поражён их мужественным откровенностью и душевной болью за пережитое. Передо мной вставала не только жизнь страны, но и муки и радости человека, кровно связанного с тем периодом жизни России, который мы называем советским".

Читая дневники, поражаешься мужественности родных и близких писателя, опубликовавших его весьма нелюбимые мнения о некоторых известных персонах. Сын признаётся: "Несколько долгих лет понадобилось, чтобы разобрать, систематизировать, перепечатать все страницы, исписанные то чернилами, то карандашом, то на пишущей машинке без всякой правки, скорописью, в спешке бесед..."

"Дневники охватывают период с 1937 по 1981 год, год смерти писателя. Но часто он мысленно переносится в годы своего детства: жизнь в кубанской станице, работа по хозяйству, вспоминает, как видел на улице Екатеринодара (Краснодара) Николая II, последнего Романова, с которым ушла из России монархия, а потом гражданская война, комсомольская юность 20-х годов... Перед нами проходит летописное свидетельство, "земли родной минувшая судьба".

Аркадий Первенцев (13 (26) января 1905 года — 30 октября 1981 года) — уроженец села Нагут, ныне Минераловодского района Ставропольского края, из казачьей семьи. Уже первый его роман "Кочубей", вышедший в 1937 году, получил известность, был отмечен Александром Серафимовичем, Антоном Макаренко. Несмотря на молодость, за плечами Аркадия на момент создания романа была серьёзная биография: сын священника и учительницы, он воевал на стороне красных, был контужен, трудился культработником в станице — в избечительные учил людей грамоте, писал корреспонденции в газеты. Проходил действительную службу в кавалерии, закончив её в звании командира сабельного взвода.

Далее — переезд в Москву, учёба в МВТУ имени Баумана и одновременно работа на заводе. Туберкулёз. В книге отмечается, что больной получал всестороннюю помощь от государства. И это в те, нелёгкие для страны времена! Сейчас СМС-ками детям на лечение собирают! И дневники Аркадий Алексеевич стал вести, приехав в Крым на лечение. Первый том дневников охватывает период 1937-1940 годов.

"Любовь к советской родине, его сыновья преданность не мешали ему говорить о лишениях и тяготах, что выпали на долю народа в грозную годину войны", — отмечает сын. Писатель не прилагивает действительности, предельно откровен, это не дневники "напоказ", когда автор пишет, изначально ориентируясь на то, что записи опубликуют, возможно, и при его жизни. Аркадий Алексеевич эмоционален, порой субъективен, но искренен.

Какой фрагмент из концерта Чайковского выбрать, какой из них прослушать, чтобы передать полноту и красоту произведения? Любой — все хорошо. И всё равно не будет ощущение полноты. Так и двухтомник приходится представлять отрывками, но они не дают этого ощущения страны и человека, переживающего за всё, что происходит, чувствующего свою ответственность за хорошее и плохое так, что, читая станицу за страницей, ты получаешь хронику государственных свершений, хронику человеческой судьбы.

Подмечает, бесстрастно фиксирует, эмоционально оценивает, точно анализирует... Всё это есть в дневниках. Так, в самом начале записей (27.IV.37) детально описывая палату в туберкулёзном санатории, своих соседей, давая им характеристики, Аркадий Первенцев замечает: "Вообще в санатории много работников НКВД, очевидно, упорный труд их и

напряжённая работа отражаются на здоровье. Постоянная напряжённость, так сказать внутренняя собранность, и шоки не проходят даром".

Медсестру, молодую жизнерадостную девушку, он характеризует такой деталью: "В руках у неё я заметил томик Шарля Сорреля "Комическое жизнеописание франциона".

А вот — характеристика чванливого обитателя санатория: "Свыскоса смотрит на всех, хотя рост не превышает 150 сантиметров, если бы он был на голову повыше, то оплевал бы всех". В дневниках — работа, личная жизнь, друзья, коллеги, родные, масса событий, и немало, что называется, лирические отступления: "Весна пришла на советскую землю. Мы лежим с радионаушниками, как жители другой планеты, вслушиваясь в радостную, победную музыку далёкой и одновременно поразительно близкой большой и счастливой земли". Больные туберкулёзом были, конечно, изолированы — "жители другой планеты".

Дневники 1937-1940 гг. — удивительное сочетание бытописания, домашних ситуаций, трогательных сцен с маленьким сыном, и — ощущения приближающейся войны. Вот запись от 24.VI.40: "Германия расправилась с Францией. Насмешки нашей военной мысли над Германией об абсурдности тотальной войны, оказались пока несостоятельными... Безусловно, в случае столкновения с Германией мы вначале были бы побеждены. Мы должны кончить с аллилуевщиной, ибо иначе мы погибнем и как нация, и как предшественники прогрессивной мысли".

"27.VI.40. Говорили о событиях. Их много. Сегодня опубликован по радио декрет о семидневной неделе, об увеличении рабочего дня, о тюрьме за прогулы и т.д. Статьи в газетах говорят, что это нужно для пушек, танков, снарядов. Падение Франции раскрыло глаза на многое. Наша демократия, вытекавшая из нелепой логики старого, могла привести страну к гибели. Только сейчас почувствовали ответственность за революцию, поняли, что заключившими в неопределённости не надеются фронно непобедимости. Демобилизаторы оказались страшны". Демобилизаторы всегда страшны. Они и СССР к краху привели, и сейчас методично действуют.

Предвоенные дневники передают нарастающую тревогу, напряжённость, озабоченность сложившимся положением. И эти записи опровергают распространяемые утверждения, что страна не готовилась к войне, что руководство было уверено, будто Гитлер не нападёт. Например, запись от 10 декабря 1940 года: "Сегодня сообщение об ужасной бомбардировке Лондона. Но эта чаша не минует и нас". Неужели рядовые граждане знали и чувствовали, а руководство, обладавшее информацией, разведанными — нет, и не готовилось?

В первый том входит воспоминания "Мои современники". Серафимович, Сергеев-Ценский, Гладков, Макаров, Шолохов, Фадеев, Панфёров, Охлопков, Довженко... Сколько интересных моментов, тонких и глубоких характеристик. "Он (Серафимович) не был говоруном, таким всезнающим почитаемым, способным в любую минуту разверзаться каскадным водопадом пустых и холодных слов. Серафимович был скуп на слово, бережно подходил к оценкам. Внимательно и долго приглядывался не к цвету ваших глаз, а к вашему творчеству". Воспоминания — полные ценные художественные тексты, легко, с интересом читаемые. "Люди, создававшие советскую литературу с фундамента, никогда не гушали чёрной работой. Их не останавливали никакие — назовём их популярно — трудности, невзгоды, градобой. Откуда у них столько тепла, ласки, приветов? Почему они могут извинять, доказывать, а не поучать, вслушиваться, а не перебивать?.. Каким простосердечным был Бажов, каким строгим и приветливым был Сергеев-Ценский, каким мягким и чистым Иван Алексеевич Новиков или Нерсе, к сожалению, полузабытый А.Яковлев, деликатный В.В.Вересаев, да и многие другие писатели этого поколения, с которыми мне посчастливилось работать в литературе".

Какое бесстрашие надо иметь и наследникам, чтобы публиковать некоторые суждения, как, например: "Много вреда сделали К.Симонов, Дружинин, Рюриков, да и Полевой, воспитатель диссидентов". А далее огромный список тех, кому

писатель "низко кланяется". Или фрагмент из записи от 1 мая 1937 года: "Испания. Бомбардировки баскских городов (Герники и др.) действует на меня. А тут ещё Эренбург со своими материалами. С кунсткамерой смерти. Так потрясающие расстривает трупы только Анри Барбюс в своём дневнике одного взвода, и я ему верил, ибо то был человек, но И.Эренбурга я не могу принимать за то, чем он хотел бы казаться. Как-то оскорбляет то, что в героической Испании, бесконечно любезной мне, работает Эренбург... сотрудник жёлто-блукитной печати. Не верю я в его искренность".

В годы Великой Отечественной войны Аркадий Первенцев работал специальным корреспондентом "Известий", сотрудничал в "Красной звезде" и "Красном флоте". Политработник РККФ, капитан 1-го ранга.

И том дневников писателя за 1941-1945 гг. — это бесценные свидетельства времени, характеризующие и народ в целом, и отдельного человека: как мобилизуется страна, как она встречает трагедию — войну.

"22 июня 1941 года, Переделкино. Алёша Овчинников уложил матрацы и вещи в эмочку, собирается увозить семью в Москву. Почему? Готовится к призыву. Вышел Оськин. Он едет с нами. Едет Паустовский... Уже стоят зенитки. Ничего не напоминает войны. Прохладный день, облачка на голубом прохладном небе, твёрдое чистое шоссе. Мы летим быстро. Вот и Москва. На улицах у магазинов мы видим первые очереди. В остальном — всё по-прежнему. Паустовский сошёл у Киевского. Мы едем на Воровского. Уже группами видны писатели. Оказываешь, было собрание, говорили Фадеев, Бредель, Раиса Азарх... На улицах появились люди в противогазах. Дворники надели тоже противогазы и чистые фартуки. У бензозаправки жарят бензином санитарные легковые машины. Миллионеры с противогазами. На Центральном телеграфе полно народу. Жарко. Потно. Оказываются, очереди в обсерваторию. Встретили знакомого капитана Г.Б. Он одет под иностранца. Говорю ему: "Что же такое?". Он: "Сейчас сдал Советскому государству 7000 рублей и даю подписку, что до конца войны, до победы не возьму их". Я: "Но нужно это сделать достойным гласности. Он: "Если они поворотливы, сделают выводы". Адресовалось работникам обсерватории.

Шли красноармейцы молча, с касками на походных ранцах, с привинченными штыками. Верочка заплакала. Ребята шли молодые, безубые".

"23.VI. Вчера стало известно, что нам объявлена война Румынией, Италии, Финляндии. Вчера германское посольство выезжало из Москвы. Они грузили чемаданы на мелкие и большие машины. И проходящие люди сутили им кулаки. Вчера стало известно, что Киев бомбили предатели. На крыльях бомбардировщиков стояли красные звёзды... Радио передавало об ожесточённых боях на границах... По стране прокатились митинги. Народ поднят. Мобилизация идёт. Под ружьё ставят людей от 35 до 18-летнего возраста".

Невозможно, как бы ни хотелось, процитировать всё. И работа военного корреспондента, и известие о Победе, и освещение судебного процесса над нацистами в Германии. Всё интересно: как оформлен зал, как ведут себя преступники ("Свободно поведение в суде"). Судьба попавшей в Освенцим русской девушки... И всё — уникально, не прочитаешь больше нигде.

Во второй том включены корреспонденции разных лет. Познательны и очень информативны примечания. А сколь бесценно дорог опубликованный "Личный архив", где приводятся документы эпохи — например, Доклад Революционному Военному Совету Республики бывшего председателя Реввоенсовета XI Армии Я.Полуяна (История отступления 11-й армии и его причины) с пометкой "не подлежит оглашению".

Язык как самого писателя, так и его сына, составившего предисловие и комментарии, точен, образен, богат.

Думается, наследниками писателя подготовившими дневники диалого не только желание сохранить память, оставить своим потомкам зримые свидетельства достоинства рода, ведь вот они — письма, дневники, фотографии, в кругу семьи всегда доступные. Но ввязались за это дело, чтобы всем нам показать нашу страну в будни и праздники, всех нас наполнить гордостью: мы — соотечественники героев, их достоинство, мужество, смелость — всё это наше, нашего народа, это мы! Нам есть, чем гордиться. Мы — один народ. И Аркадий Первенцев: талантливый писатель, истинный гражданин, он — один из нас.

Екатерина ФЁДОРОВА